

Э СКИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИКРОИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ: РОССИЙСКАЯ И ФРАНЦУЗСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ — ЧАСТИ ОДНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ?

Александр Бикбов

Вероятно, самым ярким событием в истории российской социологии после указа 1988 года («О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества»), окончательно легализовавшего дисциплину, стало студенческое выступление на социологическом факультете МГУ против реакционной администрации (2007 год). Два события очертили почти двадцатилетний интервал, на протяжении которого дисциплина избежала открытий, потрясающих привычные основы, образцовых исследований, вводящих новые методологические принципы, взрывоподобного роста междисциплинарного и публичного авторитета. Вопреки всем надеждам, возлагавшимся на социологию с конца 1980-х до середины 1990-х годов (по уверениям самих социологов, этот период был идеальной площадкой для наблюдения над меняющимися социальными структурами), профессионалы мало что прибавили к пониманию постсоветского общества. Публично критикуя советскую командно-административную систему, в частных беседах они сами не раз сокрушались об утраченном порыве и социальной полезности дисциплины: энтузиазме первопроходцев, размахе всесоюзных опросов, государственной важности, которая приписывалась результатам исследований, несмотря на их открытую административную цензуру, а возможно и в силу последней.

Поначалу тема интеллектуальной несостоятельности (советской) социологии неизменно сопровождала планы ее методологического и морального переустройства¹, однако открыто обсуждать эту проблему в профессиональной среде перестали уже к середине 1990-х годов. Сначала словно подшучивая над собой, а затем все более серьезно бывшие советские социологи проникались сознанием ответственной работы на заказчика. Впрочем, служебное определение было дано дисциплине уже в момент ее позднесоветского генезиса, когда программу эмпирического исследования предписывалось разрабатывать «в сотрудничестве с административными органами и общественностью тех предприятий и учреждений, где предполагается [его] проведение» (Рабочая книга социолога... 1977)². Не удивительно, что в начале 1990-х годов — в момент повторной институционализации дисциплины, когда соседствовали и пересекались самые разнонаправленные тенденции — на занятиях по курсу «Введение в специальность» студентам новорожденных социологических факультетов внушали, что социология — это наука, задачи которой определяются заказчиками³.

Александр Тахирович Бикбов. Адрес для переписки: Centre Maurice Halbwachs, École normale supérieure, 48 boulevard Jourdan, 75014 Paris, Франция. abikbov@gmail.com.

1 Такие реформистские планы можно обнаружить, в частности, в проекте Профессионального кодекса социолога (Ядов 1987). Среди прочих он включал декларации профессиональной ответственности, подобные этой: «Социолог не имеет морального права слагать с себя ответственность за экономические, социальные, политические и нравственно-психологические последствия применения (внедрения в практику) полученных им результатов» и так далее.

2 Данная книга служила одним из ключевых дисциплинарных пособий для профессиональных социологов; об административной позиции ее редактора, Геннадия Осипова, см. далее.

3 Следует заметить, что та же формула сопровождает курс «Введение в специальность» и сегодня, в частности на социологическом факультете МГУ.

Менялся лишь их круг: центр неумолимо смещался от воображаемой «общественности» к разнообразным «администрациям».

Это смещение, отнюдь не «сугубо техническое» по своим следствиям для структуры дисциплины и производимых ею смыслов, заново определило ее познавательные границы. Советская социология никогда не была публичной критикой «большого» политического порядка или локальных форм господства и неравенств. Казалось, с переменой политических обстоятельств, в начале 1990-х годов у нее был шанс таковою стать. Повторное утверждение сервисной функции как доминирующей свело этот шанс к минимуму и превратило наиболее критичные самохарактеристики социологов начала 1990-х годов в самосбывающиеся пророчества для годов 2000-х: спектр теоретических предпочтений, слабо согласующийся с международным научным контекстом; простота перевода дисциплинарной систематики в свод моральных предписаний; «советская» модель эмпирического исследования, в основе своей сформированная к середине — концу 1970-х годов⁴.

Планы повторной профессиональной экспансии конца 1980-х годов, по образцу послеоттепельной⁵, всерьез сдерживались методологической/познавательной петлей 1970-х годов, которой была туго стянута послеперестроечная социология⁶. В момент становления первичного интеллектуального рынка конца 1980-х — начала 1990-х годов прежние дисциплинарные иерархии перестраивались ввиду ошеломительного междисциплинарного спроса на неортодоксальные (в советском контексте) теоретические приемы, публичное предложение которых было во многом подготовлено уже позднесоветской рецепцией «западной теории» в отдельных дисциплинарных секторах, таких как «история философии», «история социологии» или «экономическая теория». Не столько полное отсутствие подобных позднесоветских «заготовок» (которые имелись и в социологии), сколько невозможность распорядиться ими с позиций профессиональной монополии достаточно быстро подтвердили подчиненное положение социологии среди смежных дисциплин: философии, истории, экономики. Об этом, помимо прочего, свидетельствует крайняя редкость междисциплинарных ссылок на социологические тексты. Низкий курс конверсии неофициального наследия позднесоветской социологии в интеллектуальные постсоветские дивиденды выступал не только показателем, но и активным фактором дальнейшей динамики дисциплины.

Вопрос об интеллектуальной состоятельности социологии более десятилетия, с середины 1990-х до середины 2000-х годов, институционально вытеснялся за дисциплинарные границы⁷. Основополагающим результатом этого длительного вытеснения были столь же длительное публичное молчание профессиональ-

---

4 Носителем этого критического взгляда выступает сегодня одна из профессиональных фракций, локализованная преимущественно на полюсе малых интеллектуальных центров с размытыми границами дисциплинарной принадлежности. Его разделяют прежде всего те, кто ориентирован на императивы профессиональной технической компетентности и модель социологии как международной науки, то есть наиболее близкие к собственно научному полюсу внутри дисциплины, который противостоит полюсу должностной кооптации. Менее других обязанные своей карьерой «большим» академическим институциям, они могут себе позволить озвучивать эти наблюдения в публичной форме. См., например: Родовая травма российской социологии. Интервью с Виктором Воронковым (www.polit.ru/science/2007/05/08/voronkov.html); Владимир Малахов. О силе институтов, или почему у нас так много сторонников теории заговора (www.polit.ru/analytcs/2007/11/20/malahov.html); Александр Бикбов. Бесплезные выгоды внешнего наблюдения (www.polit.ru/science/2007/04/06/bikbov.html).

5 Политический поворот в конце 1950-х годов сделал социологию — новую науку 1960-х годов — синонимом не только познавательной альтернативы, парадоксальным для социологии образом высвобождающей личность из коллектива, но и способом альтернативного определения политической свободы, не менее парадоксально для актуального восприятия отсылающего к ленинским идеалам (подробнее об этом (Бикбов 2007).

6 Одним из ярких свидетельств высокой зависимости социологического здравого смысла от генетически исходного режима «большой науки» и «больших цифр» предстают попытки разоблачения «качественных методов» как ненаучных, еще в середине 1990-х годов предпринимавшиеся методологами среднего поколения, в частности (Батыгин, Девятко 1994).

7 Более подходящим поводом для институционализованных дискуссий служат тезисы, которые локализуют «проблемные точки» российской социологии вовне дисциплины, обнаруживая их в отсутствии общественного запроса на социологическое знание: «Отсутствие ее [теоретической социологии] есть не столько состояние науки, сколько состояние общества» (Филиппов 1997: 5). Редкие попытки критического анализа *собственных* механизмов дисциплины встречают институциональное отторжение, о чем свидетельствует и собственный опыт автора настоящего текста, чья статья «Российская социология: автономия под вопросом» стала предметом столь же внимательного прочтения и скорых административных санкций, сколь старательного дисциплинарного умолчания.

ных социологов об условиях и смысле собственной деятельности, избегание внутренней интеллектуальной критики и саморефлексии, которая оставалась уделом своеобразных «академических эксцентриков»⁸. Студенческое выступление 2007 года вызвало скандал, вернув вытесненному публичный характер и сделав его сюжетом для средств массовой информации прежде, чем оно послужило темой для внутрипрофессиональной дискуссии.

Многие коллеги вынуждены согласиться с подобным диагнозом⁹, но гораздо менее очевидными остаются условия несостоявшегося интеллектуального (критического) прорыва в постсоветской социологии. Можно ли объяснить познавательную слабость дисциплины скоростью изменения социальных структур, которая в конце 1980-х — начале 1990-х годов превзошла самые смелые ожидания и стала объективным препятствием к построению новой социальной науки? Вызвана ли она стремительной деградацией больших советских институций? А может быть, напротив, объясняется их консервацией, которая превращает «постсоветскую исключительность» в очередную иллюзию? Снова сделать вопрос интеллектуальной состоятельности социологии предметом критической саморефлексии сегодня трудно вдвойне, поскольку стыдливое вытеснение и формирование ультракомпромиссного внутридисциплинарного консенсуса сопровождалось работой другого защитного механизма — поддержания чувства исключительности, во власти которого оказались как яростные критики советской / российской социологии (беспрецедентно «непоправимая» ситуация), так и ее не менее ярые защитники по должности («особый путь»). Начать возврат к собственно социологической самокритике социологии — значит задать иную перспективу описания и оценки дисциплины. И начать следует с установки верного хронологического и структурного масштаба анализа.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ И ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ АНАЛИЗА

Как и любое иное институционализированное интеллектуальное образование, социология не «просто» совокупность знаний. Это дисциплина в широком смысле слова, то есть разновидность микрополитики со специфическими для нее средствами борьбы, контроля и производства авторитета¹⁰. Она генерирует цепочки знания, согласованные с режимом «большой» политики через механизмы научных карьер. Иначе говоря, социология — это не только место воспроизводства знания, но и место приложения сил. Потому описывать это место в его современной конфигурации следует в нескольких взаимосвязанных измерениях: 1) как институциональные рутины академического мира¹¹, которые фиксируют текущее состояние сил, образуя сложный баланс со структурами государственного управления; 2) как преобладающие формы участия представителей дисциплины в публичном политическом (шире — дискурсивном) состязании; 3) как доступные изнутри дисциплины средства присвоения новых культурных ресурсов и релевантные им способы установления / обновления дисциплинарных границ.

Описание социологии по этим параметрам выводит ее за рамки любой логики исключительности, открывая возможность для сопоставления различных хронологических конфигураций, в частности советской и постсоветской, а этих двух — с дореволюционной. Оно же избавляет российскую социологию от комплекса национальной неповторимости, позволяя рассматривать локальную версию дисциплины в международном контексте так же свободно, как и в историческом. В предельной форме этот набор параметров позволя-

---

8 По эксцентрической, с точки зрения дисциплинарных классификаций, стилистике критических аргументов, на грани литературы или метафизики, что служило дополнительным аргументом не в пользу самой практики саморефлексии в дисциплине. В качестве примера см. (Качанов 2000).

9 См., в частности, показательную подборку суждений ряда социологов по следам студенческого выступления, подготовленную автором статьи совместно с Валерием Анашвили на портале Полит.ру: <http://www.polit.ru/analytics/2007/11/20/socfak1.html>.

10 При этом не всегда и не обязательно соответствующая определению поля как автономной структуры (Пьер Бурдьё). Даже в отсутствие интеллектуальной автономии любая дисциплина и институция порождают нюансированные формы локальной власти.

11 Здесь и далее в статье понятие «академический» употребляется как общее обозначение и для образовательных, и для исследовательских институций и структур.

ет ставить вопрос о том, являются ли российская, французская или американская социология одного периода различными национальными версиями *одной и той же* дисциплины, что в целях удобства постулируют многочисленные разновидности теоретической истории социологии.

Приступая к микрополитическому анализу социологии, нам следует принимать в расчет, что любая академическая дисциплина — это интеллектуальный комплекс, границы которого определяются работой институций, прежде всего образовательных¹². Развивая анализ, я буду использовать понятие «интеллектуального комплекса», обозначая этим сцепление смысловых и силовых компонент в рамках дисциплины. Место последней в интеллектуальном пространстве — это суммирующий вектор поливалентной тактической ситуации, в которой институциональные рутины поддерживают доминирующий набор интеллектуальных предпочтений, а появляющиеся интеллектуальные различия, в свою очередь, в каких-то случаях могут быть институционализированы и превращены в доминирующие. Как следствие, первый шаг в критическом анализе социологии как места сил и смыслов следует сделать в направлении базовой властной конфигурации — ключевых элементов институциональных структур, которые дисциплинируют знание и его производителей, одновременно с ключевыми элементами политической диспозиции, которые сообщают дисциплинарным результатам наиболее вероятные формы публичного обращения.

Может показаться, что столь общий масштаб несоразмерен анализу «всего лишь» состояния дисциплины за последние двадцать лет. Это сомнение было бы оправдано, если бы мы ограничились описанием российской социологии как изолированного случая. Попытка такого описания была предпринята в нашей более ранней статье (Бикбов, Гавриленко 2002, 2003), в которой, как представляется, обозначены некоторые механизмы воспроизводства доминирующего теоретического горизонта дисциплины уже после распада советского политического режима, вызвавшего этот тип теории к жизни. Однако если попытаться не только описать современную российскую социологию в отношении к самой себе и к местным политическим условиям, но и рассмотреть ее в качестве одной из национальных версий науки социологии, то мы обнаружим, что нам недостает привычных понятийных средств, в свою очередь производных от локальной микрополитической конъюнктуры дисциплины. Анализировать «свою» дисциплину как одну из версий интернациональной науки — значит перенести реалии российского интеллектуального комплекса «социология» в международную систему координат, достроив таковую, в частности, в направлении западно-европейских реалий.

Корректная компоновка новой координатной системы требует предварительной фиксации властных микроструктур, которые определяют содержание социологической практики в каждой из национальных версий. То есть различий не только и не столько на уровне господствующих теоретических предпочтений, сколько на уровне доминирующих/маргинальных институциональных рутин (и релевантных им практических категорий), сформированных исторически. Данная статья вводит некоторые из этих различий и основу к дальнейшему, более строгому международному сопоставлению. Для контрастного соотнесения с российским случаем используется другой, «образцовый» — случай французской социологии.

СОЦИОЛОГИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫБОР BELLE ÉPOQUE: РЕСПУБЛИКАНСКАЯ / АНТИМОНАРХИЧЕСКАЯ ДИСПОЗИЦИЯ

Известно, что в конце XIX — начале XX века французская социология институциализируется группой интеллектуальных нонконформистов во главе с Эмилем Дюркгеймом как университетская дисциплина, у-

¹² Иллюстрацией этого тезиса выступает организация университетских факультетов в средневековой Европе, которая не только номинально (через устав), но и практически (через всю систему лекций, диспутов и итоговых экзаменов) утверждала право на дальнейшую передачу комплекса знаний. Это право предоставлялось в форме универсальной *licentia docendi* как соответствие индивидуальной умственной дисциплины бывшего студента дисциплинарным предписаниям и привилегиям, которыми располагалась корпорация в целом. Государственная система лицензирования ученых специальностей, постепенно с (начиная с XVII века) сменившая корпоративную, отнюдь не отменила (но лишь унифицировала) этот принцип институционального утверждения интеллектуальных границ. Обширный материал для изучения данного вопроса, среди прочего, дает продолжающееся издание: *A History of the University in Europe* / General editor W. Rugg.

верждающая свою легитимность прежде всего внутри философии и перед лицом философов (Ringer 1992, Каради 2004). Вместе с тем в формировании познавательных структур социологии, этого детища Belle époque, существенную, хотя не всегда явную роль играет политическая ангажированность ее основателей (Эмиля Дюркгейма, Марселя Мосса, Мориса Хальбвакса): позиция социологов-республиканцев еврейского (не исключительно) происхождения в деле Дрейфуса, их социалистические симпатии и сотрудничество с социалистическими организациями¹³. Эти предпочтения и альянсы редко получают открыто политическое выражение в силу высокой планки университетской интеллектуальной (само)цензуры, которая препятствовала превращению социологии в разновидность левой республиканской публицистики. При этом они хорошо согласуются с реформистскими и экспансионистскими установками, которые новый тип знания демонстрирует перед лицом традиционных университетских дисциплин.

Обстоятельством первичной институционализации российской социологии на рубеже XIX–XX веков является наличие готового образца. Как в абсолютном большинстве подобных случаев, этот образец переносится на новую почву отнюдь не в роли рабочего прототипа, а в качестве регулятивной идеи. Решающее эмпирическое отличие между первыми, французской и российской, версиями дисциплины определяется местом в университетском пространстве, ассоциируемым с именем «социология». В российском случае это место, строго говоря, маргинально, поскольку социология формируется как внедисциплинарная, а поначалу даже экстерриториальная интеллектуальная практика. Первой социологической институцией становится Русская высшая школа общественных наук, открытая в 1901 году в Париже теми и для тех, кто прежде всего по политическим причинам не может преподавать или получать образование в России¹⁴. Сам факт институционализации далек от попытки сплоченной группы единомышленников закрепиться в университетских иерархиях: создание Школы развивало успех цикла лекций, прочитанных российскими интеллектуалами на Всемирной парижской выставке 1900 года. В число организаторов Школы входили Максим Ковалевский и Юрий Гамбаров, а также Евгений Де Роберти, Илья Мечников вместе с целым рядом публицистов из условно дружественных политических лагерей, которые не стояли на единой исследовательской платформе и были неизмеримо больше заинтересованы в публичной площадке, обеспечивавшей свободу высказывания, нежели в формировании дисциплинарного ядра, закрепляющего за ними место в академических иерархиях¹⁵. Выходцы из провинциального дворянства, поначалу спонсировавшие работу институции из собственных средств, объединенные прежде всего «системной» оппозицией против самодержавия, основатели Школы столкнулись с растущей политизацией и дезорганизацией занятий¹⁶, которые стали одной из причин ее самороспуска в начале 1906 года.

Показательно при этом, что по своей формальной структуре Русская высшая школа сближается с европейской университетской моделью: кадровую и тематическую политику определяет коллегиальный орган, Совет, объединяющий всех профессоров. Из него выбирается распорядительный комитет; программа занятий — полностью на усмотрение преподавателей (Гутнов 2001). Прямой перенос этой модели самоуправления в государственные российские университеты, находившиеся под министерским контролем, был столь же маловероятен, как университетская институционализация подозрительного знания, гораздо более открыто, нежели в дюркгеймовской версии, смыкавшегося с радикальной политической публицистикой.

13 См., например (Шарль 2005; Каради, Хальбвакс 2000). Социалистическая чувствительность ряда университетских интеллектуалов играет важную роль и в складывании социологии как интеллектуального проекта в Германии. Так, свои эмпирические исследования аграрного и рабочего мира Макс Вебер выполняет по приглашению ассоциации преподавателей «Союз социальной политики», ставивших своей целью распространение социалистической критики в среде академической молодежи (Вебер 2007).

14 Заведение представляло собой свободный университет, преподавание велось по-русски (Гутнов 2001).

15 Для характеристики обстановки в Школе и вокруг нее, помимо статьи Д. Гутнова, см. также (Голосенко, Козловский 1995).

16 «Политические пристрастия студентов школы ... в основном распределялись между приверженцами социалистов-революционеров и социал-демократов», боровшихся за влияние в Школе через приглашение в качестве лекторов политических деятелей из разных лагерей, таких как радикальный социал-демократ В. Ленин, социалист-революционер В. Чернов, народник К. Кочаровский, консервативный либерал П. Струве и др. В результате полемики и разногласий, доходивших до драк, отчасти провоцируемых агентами русской полиции, работа Школы уже в 1904 году оказалась под вопросом» (Гутнов 2001).

Возникнув как институциональный ответ на монархический режим, в том числе как прямой ответ на российскую университетскую политику, русская социология в изгнании продемонстрировала, что общая для разнородного состава участников антимонархическая диспозиция дает крайне далекие академические следствия в сравнении с общей республиканской диспозицией узкой группы интеллектуальных единомышленников. Последняя стала основой академической дисциплины в собственном смысле слова (исследовательской школы); первая послужила основой для временного тактического альянса между свободными интеллектуалами и политическими публицистами. В конечном счете, Дюркгейм или Мосс стали служащими республиканского государства; Ковалевский и Де Роберти — интеллектуалами-фрилансерами за пограничной линией государственной службы.

Следующей институцией после закрытия Школы в Париже становится социологическая кафедра (1908), возглавленная Ковалевским и Де Роберти, при другом частном заведении — Психоневрологическом институте Владимира Бехтерева. Близость социологии к свободной журналистике и политической публицистике закрепляется, помимо прочего, в том, что государственные университеты, открывающие путь к профессиональной карьере, допускают занятия социологией только в форме самостоятельных кружков (Голосенко, Козловский 1995). Как и в профессиональном отношении, в политическом различие французского и российского случаев определяется прежде всего степенью интеграции нового знания и его носителей в центральные образовательные институции. Оставаясь политической угрозой слева до 1917 года, социология оказывается недостаточно левой вскоре после революции. Не став, таким образом, частью нормализованных и рутинизированных академических классификаций, наряду с историей или философией, «социология» попадает в новый круг своей истории — повторной институциализации в постсталинском СССР — со статусом университетски маргинальной и политически сомнительной.

ПРЕДЕЛЬНАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ РАМКА ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА: КОЛЛЕГИАЛЬНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ VERSUS НАЧАЛЬСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ДИСЦИПЛИНОЙ

В сравнении с Belle époque с 1950-х годов политические режимы Франции и СССР сближаются в результате технократической централизации управления и постепенной универсализации режима социального обеспечения. При относительном сближении «больших» политических структур различие между двумя национальными версиями социологии еще более ощутимо выражается в несходстве академических структур микроуровня. Даже не придавая решающего значения хронологическому разрыву в повторной университетской институциализации социологии (1958 год во Франции и 1989 год в России), на что небезосновательно указывает Шарль Сулье¹⁷, и сопоставляя более близко расположенные повторные «начала» социологии в рамках исследовательских институций французских (1946)¹⁸ и советских (1960)¹⁹, мы оказываемся перед серьезной дилеммой. Можем ли мы говорить об учреждении одной и той же дисциплины (как неразрывно интеллектуального и институционального комплекса), если она заново формируется во Франции и СССР не только в различным образом ориентированных теоретических горизонтах (в частности, по отношению к американскому социологическому мейнстриму²⁰), но и в принципиально несходных конфигурациях академической микровласти?

17 См. его статью, опубликованную в этом номере журнала (сноска 22).

18 Создание Жоржем Гурвичем Центра социологических исследований в рамках только учрежденной конфедерации исследовательских центров CNRS, которая во многом ориентировалась на образец советской Академии наук.

19 Одновременное создание в Ленинградском государственном университете социологической лаборатории под руководством Владимира Ядова, а в Институте философии Академии наук СССР — сектора новых форм труда и быта под руководством Геннадия Осипова.

20 Несколько подробнее вопрос о роли американских образцов в учреждении советской социологии в условиях холодной войны и в связи с французской интеллектуальной ситуацией рассматривается в первой части статьи (Bikbov 2009).

В послевоенной Франции социология учреждается в академическом пространстве, где политика карьер и знаний опирается на органы коллегиального самоуправления: рамочный Национальный центр научных исследований (CNRS, 1939²¹), Высшая практическая школа социальных наук (EPHESS/ENESS, 1947). Здесь создаются (как самоуправляемые) конфедерации научных центров, задача которых — преодолеть раздробленность исследований, а также помочь в разрешении материальных проблем («шероховатость» исследовательских карьер в университетах, отсутствие помещений для научной работы и так далее). Повторное учреждение социологии как самостоятельной и массовой университетской специализации в 1958 году во многом представляет собой переписвоение исходной дюркгеймовской позиции, предопределенной философски и политически. При активном участии реформистски настроенного министра образования Гастона Берже, почитателя Эдмунда Гуссерля, характерологии и американской модели прикладной науки, некоторые центральные гуманитарные факультеты (*lettres*) преобразуются в факультеты гуманитарных и социологических наук (*lettres et sociologie*) с правом защиты диплома по специальности «Социология»²². В рамках нового технократического поворота императив интеллектуального прогресса и модернизации университета соединяется с институциональной активностью ученых — участников Сопrotивления, политических реформистов, отчасти коммунистов, достаточно быстро получающих государственную и международную поддержку. Наряду с социальной историей социология становится одной из дисциплин, определяющих специфику послевоенной республиканской модели организации в социальных и гуманитарных науках.

В послевоенном СССР академические институции нередко создаются «под ключ», с готовым набором должностных ставок и зданием. Однако ценой за прямое государственное обеспечение становится ослабление коллегиальных механизмов управления, прежде всего власти ученых советов. С 1930-х годов академическая власть отправляется управленцами на постоянных должностях: директорами институтов и ректорами университетов, их заместителями, начальниками отделов и лабораторий. А генезис дисциплинарных структур социологии как новой науки и вовсе становится образцовым примером институциализации «наоборот», когда создание органов дисциплинарного представительства и управления опережает формирование академического корпуса (см. далее).

Можно объяснить это расхождение обращением к «большим» политическим режимам: исходно милитаризованному мобилизационному в советском случае и ассоциативному / республиканскому во французском. Это объяснение не будет полностью ложным, но оно далеко не достаточно. Формирование любого «большого» — то есть централизованного, в пределе государственного — режима происходит через сопротивление актуальных доминирующих структур отдельным неконформистским и радикальным фракциям, которые стремятся их перехватить и монополизировать²³. Если с усилением в 1920–1940-е годы общемировых тенденций к государственной централизации формирование мобилизационного режима оказалось возможно в одном случае и невозможно в другом, значит в различных национальных контекстах во множестве локальных точек сопротивление ему имело неодинаковую силу.

Одним из наиболее устойчивых препятствий для централизованной (милитаризованного типа) мобилизации становятся микрополитические структуры академического мира Франции, в отличие от структур интеллектуального мира России (Graham 1967). И как же объяснить это обстоятельство, если не принимать в расчет такой, на первый взгляд, отдаленный по времени факт, что во Франции базовые интеллектуальные институции — университеты — возникают в XII веке в форме независимых корпораций и медленно адаптируются к попыткам государственной власти переписать контроль над ними, так и не утратив своей специ-

21 Официально учрежденный за две недели до начала Второй мировой войны, CNRS возобновляет работу как координационный центр после Освобождения (1944). Подробнее см. (Picard 1999).

22 Более подробно институциональные нововведения этого периода в связи с биографическим контекстом Гастона Берже описаны в (Бикбов 2006).

23 Элиасовская модель конкуренции сил за монопольный центр власти (Элиас 2001) представляется удовлетворительной и в данном случае: применительно не только к государству, но и к отдельным государственными дисциплинам.

фики? В России же университет учреждается в XVIII веке как инстанция с административным типом управления, готовящая к государственной службе.

Этот вопрос может показаться отвлеченным лишь для наблюдателя, находящегося на значительном удалении от современной рутины и научно-политической борьбы в обоих национальных контекстах. Если же взглянуть в них одинаково внимательно, между современными формами академической организации обнаружатся отчетливые различия, обусловленные генетически. Исторические структуры и оппозиции не просто продолжают свое существование в современных институциях, они заново активизируются в ходе текущей борьбы.

Во французских политических дебатах и столкновениях вокруг неолиберальных реформ²⁴ академической сферы (2006–2009) «корпоративные пережитки» университетской организации служат одним из решающих аргументов для правительства Николая Саркози в пользу реформ. Для французских социологов и, более широко, преподавателей и исследователей помимо их дисциплинарной принадлежности одна из главных угроз реформ заключена в разрушении структур академического самоуправления²⁵. Усиленная эффектом ответной критики критиков, солидарная интеллектуальная оппозиция формируется на подвижной платформе участия в разноплановых коллегиальных и ассоциативных структурах, существующих уже в рутинном режиме воспроизводства академических институций, таких как ученые советы подразделений, или национальные комиссии по оценке научной карьеры, или созданные в режиме неотложности внеинституциональные и межинституциональные движения²⁶. Эта платформа образована общими собраниями лабораторий, факультетов, университетов, аспирантов, преподавателей и / или студентов, инициативными группами и днями рефлексии, критическими докладами профессиональных ассоциаций и массовым участием членов академических институций в уличных акциях и демонстрациях. Весомая роль в обмене ходами и в дебатах о реформах принадлежит профсоюзам, которые, не являясь коллегиальными и даже собственно академическими органами, выступают формой контрвласти по отношению к институциональной иерархии академического мира. Они включены законодательно (в случае мажоритарных) или практически в дисциплинарную и межинституциональную академическую политику²⁷. Оспаривая антиэгалитарную направленность реформ, левые профсоюзы выступают также за сохранение роли органов профессионального представительства и самоуправления в научных и образовательных институциях²⁸.

Иначе структурировано само поле дебатов вокруг образовательных перемен в России, в том числе дебатов вокруг реформ, определяемых Болонским и Лиссабонским соглашениями о создании единого образовательного пространства, которые Министерство образования РФ ратифицировало в 2003 году. Здесь в борьбу за модель академического управления наряду с правительственными чиновниками вовлечены не академические ассоциации, движения и профсоюзы, но почти исключительно начальство вузов и научных учреждений, занимающее про- или контрреформистские позиции. Иначе говоря, это борьба между различными фракциями руководства академических институций, развертывающаяся в отчетливо иерархической

---

24 Лежащее в основе реформ снижение государственных расходов на социальную и культурную сферы (равно как поощрение социального неравенства) также характеризует их как неоконсервативные.

25 Одной из наиболее представительных по набору тем и оппозиций стала конференция, посвященная критическому анализу реформ, в университете Париж-VIII: «Université critique pour tous», 1 декабря 2007 года, Paris VIII Vincennes–Saint-Denis.

26 В частности, «Спасем исследования» [SLR], «Спасем университет» [SLU] или общенациональный орган (само)представительства — Национальная координация университетов. Чуть более подробно об этих инициативах см. в последнем разделе статьи.

27 На дисциплинарном уровне — определяя треть состава научных комиссий CNU и CoNRS (см. далее), принимающих решения о карьерах; на межинституциональном — представляя в многосторонних согласительных и консультационных комиссиях, готовящих или оспаривающих решения министерств образования и науки.

28 Академические профсоюзы составляют активную оппозицию правительственным реформам по совсем, казалось бы, техническим вопросам, которые, на деле, имеют прямое отношение к принципу коллегиальности. Так, наиболее крупный мажоритарный профсоюз FSU-SNESUP выступил с обращением против автоматизированной оценки активности исследователей и преподавателей на основе рейтинга журналов, где публикуются статьи оцениваемых, и потребовал сохранения коллективных форм оценки карьер и научной продуктивности самими учеными (пресс-релиз SNESUP от 3 октября 2008).

логике. И в еще меньшей степени, нежели администраторы от философии или истории, в публичные дебаты вовлечены администраторы от социологии.

Ангажированность вопросами управления дисциплиной — стратегический пункт в организации интеллектуального комплекса социологии, который в российском контексте привычно выносится за скобки под видом сугубо технического. Уже потому первичная характеристика модели управления дисциплиной и условий участия в нем дает более адекватное понимание результатов дисциплинарной практики, нежели сопоставление обширного корпуса текстов. Одной из проекций различных моделей управления является прагматика понятий, используемых непосредственно в процессе и с целью реализации этих моделей.

Специфику знания и публичного воздействия, производимого различными национальными версиями социологии, можно, в частности, проследить в разнице значений такой привычной в академическом и политическом контекстах категории, как «администрация». Во Франции и в иных обществах, отчасти наследующих опыт средневековой университетской организации, это в большей степени *процедурная*, нежели *должностная* категория, определяющее место в которой принадлежит (само)представительству ученых. Значение категории определяется тем обстоятельством, что в стенах академических институций отсутствует специализированное чиновничество, которое располагало бы средствами *окончательной* монополии научных, бюджетных, карьерных решений, через удержание вершины административной иерархии в «своих» заведениях, подобно деканам российских университетов.

В России, напротив, «администрация» — это изолированная и устойчивая *профессиональная* категория, представители которой выстраивают внутриинституциональные или политические карьеры, не зависящие от карьер специалистов в данной области, и при исчезающем влиянии органов (само)представительства монопольно распоряжаются карьерами специалистов. Одним из тестовых случаев, который с предельной остротой обозначил это «смысловое» расхождение, стала недавняя конференция «Современное образование для социальных наук»²⁹: российское определение «администрации вуза» вызвало удивление и живые возражения со стороны французского (Шарль Сулье) и немецкого (Юрген Фельдхофф) коллег. Развивая свое возражение, Фельдхофф предположил, что для характеристики управления российскими университетами — с точки зрения европейской университетской модели — более подходящей категорией будет «отправление власти» или «коррупция».

В более общем виде расхождение в российской и французской прагматике категории «администрация», с релевантной для каждого из случаев областью само собой разумеющегося, объясняется кардинальным различием между двумя режимами академического управления — коллегиального и должностного (начальственного). Это различие можно отчетливо проследить в процедуре научной оценки. Во французском академическом мире с конца 1940-х годов решение о профессиональной квалификации, качестве научной продукции центров и отдельных ученых, карьерном продвижении преподавателей и исследователей раз в два года выносят коллегиальные органы преподавателей (Национальный комитет университетов, CNU) и исследователей (Национальный комитет научных исследований, CoNRS)³⁰. Национальные и локальные органы избираются из числа сотрудников заведений, на две трети — прямым голосованием, на треть — министерствами образования и науки по представлению академических профсоюзов³¹. Иными словами, несмотря

29 Организованная в Москве автором статьи в сентябре 2007 года, при поддержке Франко-российского центра гуманитарных и общественных наук, Института верховенства права и общественного движения «Образование — для всех!».

30 В противоположность этому научные и учебные программы разрабатывают сами преподаватели или исследователи и утверждают ученые советы факультетов и лабораторий. Следует заметить, что в российском случае соотношение сил прямо противоположное: содержательные программы разрабатываются *общенациональными* органами (комиссиями и учебно-методическими объединениями при Министерстве образования), а карьерные решения принимаются *локальными* органами (дирекцией учреждений).

31 Таким образом, одно из различий между «эпохой Дюркгейма» и ситуацией 1950–2000-х годов располагается на линии локального (внутриуниверситетского)/национального характера академических органов, принимающих решения о карьерах. Однако более важным в данном случае представляется сам принцип коллегиального управления карьерами — через оценку равными, или взаимное признание коллег.

на послевоенное усиление роли государства как центра, до самого недавнего времени гарантирующего работу общенациональных академических структур (конкурсов, аттестаций, светского характера образования, единой тарифной сетки оплаты труда³²), решающую роль в определении критериев социологической практики играет не внешнее по отношению к специалистам чиновничество, а непосредственные инициативные производители. Экспертиза научной продукции и карьер остается прежде всего в ведении коллег.

Советский / российский случай тяготеет к прямо противоположному полюсу. Роль конечных инстанций научной экспертизы здесь присвоена профессиональной бюрократией: в рутинной форме — самих академических заведений, в предельных случаях — партийных органов. Официальная советская модель далека от «тоталитарной»: наряду с начальственным принципом она допускает и, более того, идеологически предписывает самоуправление в рамках ученых советов или собраний коллектива, которые *de facto* функционируют в качестве консультативных органов. Однако профессиональную квалификацию и карьерные решения в отношении вузовских сотрудников и исследователей в СССР / России послевоенного периода осуществляет руководство учреждений (дирекция, руководитель отдела кадров, председатель профсоюза³³). Органами централизованной оценки рутинной продукции и «рядовых» карьер вместе с дирекцией и партбюро заведений выступают специальные *первые* отделы (своего рода гарантия информационной и политической безопасности), связанные с обкомами КПСС и КГБ, а в отношении более высоких позиций (начиная с ведущих научных сотрудников, руководителей лабораторий и кафедр) — отделы науки и идеологии ЦК КПСС. С демонтажем советских политических институтов эти центры экспертизы прекращают существование, и оценка карьер переходит в полное распоряжение «администрации» учреждений, где академические профсоюзы и ученые советы выполняют преимущественно фасадную функцию³⁴.

Ту же институциональную конъюнктуру не менее ясно характеризует категория, комплементарная «администрации» — «рядовые сотрудники». Французское понятие «pairs» (англ. «peers»), «равные» — фундаментальное для целого ряда рутинных процедур коллегиального самоуправления, включая экспертизу статей, представляемых к публикации в научном журнале или организацию конкурса на должность, — снимает жесткую иерархическую дихотомию и столь же естественно встраивается в европейское определение социологии как науки, коллегиальной по этой линии своего происхождения, сколь чуждым остается в российском академическом контексте с его служебной лестницей «начальников» и «подчиненных»³⁵. Несмотря на изъяны французской коллегиальной микрополитики, которая регулярно подвергается внутриакадемической критике за формализм, продвижение «своих» и злоупотребления властью, именно она до самого недавнего времени гарантировала состоятельность определения науки Пьером Бурдьё как признания равными (*reconnaissance par les pairs* (Bourdieu 1997)). Она же выступает основным источником и ставкой в текущей академической борьбе против коммерциализации и менеджериализации интеллектуальных производств «сверху».

Если учитывать, что организация французских академических центров наследует у средневековых университетов по меньшей мере эту определяющую черту — элементы корпоративного / коллегиального само-

32 В РФ последняя была официально отменена для бюджетных работников в конце 2008 года. Этот решающий шаг по демонтажу социального государства был обойден профессиональным критическим анализом, равно как сколько-нибудь организованным или публичным социальным протестом.

33 Одним из принципиальных отличий позднесоветской модели академического профсоюза (как и в ряде восточно-европейских случаев) от послевоенной французской является фактическое отсутствие актива, помимо руководителя и заместителей в каждом заведении. Последние распределяют среди «рядовых работников», выплачивающих членские взносы, путевки в дома отдыха, праздничные подарки детям и талоны на распродажу дефицитных бытовых товаров.

34 СоNRS, производящий оценку карьер исследователей, тоже является формально консультативным органом, однако до самого недавнего времени (2006–2009 годы), его рекомендации *de facto* рассматривались как итоговые решения; эти полномочия отчасти сохраняются за ним и сегодня.

35 Из-за характерной маргинальности коллегиальных форм управления в российской науке даже хорошие переводчики порой ошибаются при переводе на русский понятия «pairs» («peers»), отчего в докладах и текстах по истории университета или актуальной научной политике действующими лицами вдруг становятся благородные «пэры».

управления, которое государственной власти так и не удалось вполне перехватить с конца XVIII века³⁶, — следует предположить, что различные типы академической организации во Франции и России производят различный смысл не только категории «администрация», но и самой «социологии». Заново встроенный в послевоенную политическую конъюнктуру, «средневековый» элемент академической организации стал основополагающим элементом национальной французской версии, через процедурную сторону карьер увеличив вероятность появления некоторых интеллектуальных результатов. Речь идет о политической критике и критической саморефлексии от лица социологии. Наиболее осязаемо французская версия разошлась с советской, реализовав возможность анализа политического господства, частных и тонких инструментов государственной власти (таких как официальная статистика), а также собственных интеллектуальных оснований³⁷. Однако этим различия не ограничиваются. Познавательные возможности, доступные для каждой из двух структур академической власти, в советской социологии оформились в моделях монолитного социального порядка и схематике гармонической иерархии (потребностей, социальных слоев и так далее). Мягкая либеральная оппозиция ряда советских социологов³⁸ могла выражаться в переоценке отдельных явлений, но не в публичной разработке альтернативных объяснительных средств. В свою очередь, некоторые доминирующие версии послевоенной французской социологии, возникшие в стенах обновленных академических институций (Ален Турен, Пьер Бурдьё, Мишель Крозьё³⁹), тематизировали различия, борьбу и конфликт.

Вопреки распространенному взгляду источником данных «теоретических» расхождений стало не только и не столько само различие «большого» политического опыта 1968 года во Франции и СССР, сколько институционализация в научной форме этого политического разрыва с прежними иерархиями и очевидностями — в структуре восходящих (и длительных) академических карьер. В более общем виде относительно автономное пространство научных суждений, одновременно более состязательное и устойчивое в случае послевоенной французской социологии, нежели в советской/российской, формируется как следствие относительной автономии научных карьер: органы коллегиального представительства, которые «естественно» отправляют наиболее рутинные процедуры оценки академических результатов, столь же естественно производят эффекты рефракции (в смысле Пьера Бурдьё) внешних карьерных воздействий и принуждений.

И начальственное управление, и коллегиальное самоуправление — виды академической организации, которые через механику высших административных карьер напрямую связаны с «большой» политикой, но также находятся с ней в отношениях общего структурного подобия. Во французском случае структура академической дисциплины согласуется с республиканским режимом, помимо прочего, через коллегиально гарантированный доступ к преподаванию, исследованию, администрированию для участников, не вполне и не обязательно конформных господствующему политическому курсу. Общий интерес, лежащий в основе нормативного определения республики, делает коллегиальное представительство доминирующей формой институционализированного диалога конкурирующих академических фракций⁴⁰. В таких обстоятельствах директор

---

36 На месте корпоративных университетов, упраздненных революцией, в наполеоновской Франции создается единый государственный университет, где карьеры регламентировались национальными конкурсами и государственными назначениями (Amestoy 1968: 5), что на несколько десятилетий поставило под вопрос коллегиальный характер академического управления. Постепенное восстановление университетского самоуправления в XIX веке, параллельно с воспроизводством системы конкурсов, началось с технических процедур — управления кадровыми и финансовыми вопросами (там же).

37 В советской социологии интеллектуальная критика используемых методов (как и анализ интеллектуальных оснований дисциплины) имела крайне спорадический характер, тогда как «критика буржуазной социологии», то есть политическая критика «чужой» — политически «чуждой», но активно заимствуемой — методологии, была институционализирована в качестве одного из основных дисциплинарных разделов.

38 Которую сами представители этого поколения зачастую не признают или по меньшей мере старательно выводят за рамки политических координат.

39 Которые наряду с наиболее международно известными представителями реформистских фракций в истории, экономике, лингвистике сделали карьеру не в традиционных университетах, а в новых институциях, среди которых центральное место заняла Высшая школа социальных и экономических наук (первая институциональная форма которой восходит к концу 1940-х годов).

40 Отношения между коллегиальными органами и республикой далеки от однозначности. Республиканская модель, утверждаемая Французской революцией, в строгом смысле исключала корпоративных посредников между гражданином и нацией.

исследовательского института, факультета или лаборатории не игрок, наиболее лояльный патронам «наверху», и не обладатель наибольшего политического веса в политических «более высоких» институциях, но фигура, наиболее приемлемая в локальной микрополитической конъюнктуре. В советском и далее российском случае, где доминирующей формой микрополитики выступают отношения «службы», которые разворачиваются между «начальством» и «рядовым сотрудником», преобладающая вертикальная аффилиация делает условием доступа к профессии прежде всего формальную лояльность «руководству», непосредственному и высшему.

ГЕНИЙ МЕСТА: РОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ ИЗ ДУХА РУКОВОДСТВА

Если российская социология дореволюционного периода поначалу институциализируется как интеллектуальная и политическая практика за рамками государственной карьеры и вне государственных границ, повторное учреждение и профессиональная рутинизация дисциплины позднесоветского периода локализуют ее на прямо противоположном полюсе — внутри реформируемого аппарата государственной службы и в связи с переопределением официальной доктрины «общественных отношений», которая последовательно сдвигается от «классовой борьбы» к «социальной однородности».

Прототипы коллегиальных структур, спонтанно формирующиеся в «послеоттепельное» десятилетие конца 1950-х — конца 1960-х годов (активность кружкового типа, конвертируемая в легальные академические семинары, публичные лекции и обсуждения, содержательные дискуссии на ученых советах) по мере академической и бюрократической нормализации социологии в конце 1960-х — первой половине 1970-х годов снова лишаются институциональной легитимности посредством ряда служебных процедур, прежде всего партийных санкций, применяемых к тем, кто активно проявляется и в самоуправляемой, и в институциональной (вплоть до партийной) деятельности. Неожиданно высокая действенность партийного выговора в управлении интеллектуальными практиками социологов составляет, вероятно, центральную интригу функционирования дисциплины позднесоветского периода. Строго говоря, процесс, который в постсоветских свидетельствах и реконструкциях зачастую фигурирует под именем «гонения на социологию»⁴¹, по сути, представляет собой приведение спонтанной интеллектуальной активности социологов как государственных служащих и партийных функционеров среднего звена к доминирующей модели академической карьеры. Как следствие, специфика советской социологии 1970–1980-х годов (а вслед за ней и российской социологии 1990-х годов, прямой наследницы советской институциональной организации и состава профессионального корпуса, пополнившегося преподавателями идеологических дисциплин), заключается в почти полном *отсутствии* внесоветских процедурных «изобретений» в ее институциональной структуре.

Говоря о доминирующей модели позднесоветского периода, следует уточнить, что в СССР 1950–1980-х годов любая научная карьера в стенах Академии наук или университета — это государственная служба, регламентируемая требованиями лояльности непосредственному и высшему начальству. Буквальным выражением лояльности служат пресловутые цитаты из решений последнего съезда КПСС в начале статей и в предисловиях монографий. За этим наиболее заметным внешним слоем скрыт целый спектр практик бюрократической лояльности, начиная с координации выборов в действительные члены Академии наук отдела-

---

В 1793 году, в ходе ее реализации, наряду с иными «вредоносными» корпорациями, носителями привилегий, были официально упразднены университеты, впрочем, тогда же переучрежденные как национальные заведения (Guenee 1982: 53). Легитимность коллегиальных структур в рамках республиканского порядка постепенно восстанавливается с признанием юридической автономии факультетов (1885) и самих университетов (1993–1996) (Amestoy 1968: 6), а также с развитием ассоциативных форм политического участия.

41 Постсоветская реконструкция истории дисциплины, где доминирует жанр «гонения на социологию в СССР», отталкивается от целого ряда документированных свидетельств и громких (в пределах дисциплины) партийных «дел» 1960–1970-х годов, по которым можно проследить редукцию интеллектуального — индивидуального и коллегиального — самоуправления (см., в частности: Социология и власть... 1997; Социология в России... 1998; Российская социология... 1999).

ми науки и идеологии ЦК КПСС, включая согласование будущих публикаций с *первыми* отделами институтов и заканчивая обязательной для рядовых сотрудников «общественной активностью». На деле «тоталитарный режим», образ которого до сих пор преследует российские и зарубежные исследования по истории науки, воспроизводится в позднесоветский период (1960–1980-е годы) в форме *бюрократического сверхпредставительства*, то есть рутинной кодификации самых различных профессиональных практик в соответствии с критериями государственной службы. При этом в разных научных дисциплинах и внутридисциплинарных секторах эта господствующая модель реализуется и отчасти переопределяется различным образом, в зависимости от степени их интеллектуальной автономии.

На интеллектуальную автономию успешно претендуют не только «практически необходимые» секторы научного производства, подобные физике элементарных частиц или органической химии, сохраняющие тесную связь с институциональными (коллегиальными) образцами дореволюционного периода и «буржуазной науки» 1920–1930-х годов⁴². В советской медиевистике, также сохраняющей элементы дореволюционной научной школы, коллегиальная оценка научных результатов, происходящая, помимо прочего, на заседаниях ученых советов, реализована в форме групповой интеллектуальной самоцензуры⁴³, которая если и не предполагает открытой критики официозных схем, то вводит своего рода техническую альтернативу — практику скрупулезной работы с источниками, освоение нескольких иностранных языков, сверхинвестиции в монографии. Все это обеспечивает право на вход в профессию и позволяет технически делегитимировать носителей более «легковесных», непосредственно политических суждений. Превращение источников в предмет своеобразного профессионального культа, который разворачивается на фоне рисков потери работы за нелояльность и выверенных игр с официальным языком, делает «директивы вождя» факультативным условием научного состязания⁴⁴. Отличие советской социологии от советской медиевистики в профессиональном отношении определяется как меньшей интеллектуальной платой за вход, так и самим местом повторного учреждения дисциплины. Институционализация социологической карьеры внутри административного государственного аппарата тесно и надолго вписывает карьерные и познавательные возможности профессионального социолога в горизонт проблем и вопросов, определяемых «руководством».

Ключевой, с этой точки зрения, момент наступает, когда тактический комплекс «социология» приобретает первоначальную политическую и научную легитимность в ходе частичной отмены режима (само)изоляции СССР⁴⁵: «международное» превращается в новую референтную фигуру политического курса, а государственная администрация расширяет зону и репертуар публичного самопредъявления. В 1956 году советские делегаты неофициально участвуют во Всемирном социологическом конгрессе и по возвращении докладывают, что это научное по форме мероприятие на деле представляет собой арену идеологического противостояния капитализма и социализма. Президиум Академии наук рекомендует «усиление роли советских научных учреждений в деятельности международных научных организаций» и ознакомление «зарубежных социологов с нашей позицией по важнейшим вопросам общественного развития», что должно помешать «распространению клеветнической информации в отношении СССР, имевшей место на предыдущих конгрессах» (Москвичев 1997: 38). Однако официально представлять на конгрессе может только делегация от национальной социологической ассоциации. С этой целью уже в 1957 году создается Советская социологическая ассоциация (ССА), учредительный съезд которой проводится в 1958 году в Институте философии АН СССР. Помимо него в составе учредителей Научно-исследовательский институт труда при Комитете по труду и за-

42 Показательной, но не единственной иллюстрацией прямой связи институциональных структур советской физики с «буржуазными» образцами служит Институт физических проблем Академии наук, который Петр Капица основывает в 1934 году, покинув лабораторию Эрнеста Резерфорда в Кембриджском университете (во многом по образцу последней).

43 Отправление интеллектуальной самоцензуры как одного из средств по обеспечению автономии дисциплины подробно рассмотрено в: (Бурдьё 2003: глава 4).

44 См. описание профессионального этоса советской медиевистики (Уваров 2006).

45 Подробнее о научном изоляционизме начала 1950-х годов см. (Прокуменщиков 2002; Иванов 2000).

рплате при Совмине СССР, Институт экономики, Институт права, еще четыре республиканских философских заведения, а также кафедра философии МГИМО (там же: 40).

Неудивительно, что первая официальная делегация нового профессионального органа, которая отправляется на следующий всемирный конгресс (в 1959 году), состоит из специалистов по историческому материализму и партийных функционеров. Государственные администраторы и виртуозы идеологии в роли профессиональных представителей сохраняют свое место в следующих делегациях, которые представляют «советскую социологическую науку» за рубежом: здесь мы находим администраторов научных учреждений, редакторов академических журналов, государственных чиновников (Социология и власть... 1997: 22, 46–47, 58). Профессиональная социологическая ассоциация в отсутствие профессиональных социологов предстает примером институционализации «наоборот». Вслед за ее учреждением начинают создаваться специализированные лаборатории и центры, деятельность которых носит отчетливо инструментальный характер и ориентирована на управление производством: распределение рабочего времени, миграция работников между предприятиями и отраслями, удовлетворенность трудом и тому подобное.

Оформление дисциплины в форме центрального научного учреждения, Института конкретных социальных исследований АН СССР, происходит лишь в 1968 году, *десятью годами позже* создания национальной социологической ассоциации. Институт возглавляет высший партийный чиновник, бывший главный редактор газеты «Правда», академик по экономике Александр Румянцев. Его заместителями назначены не исследователи, а референт ЦК КПСС, спичрайтер Никиты Хрущева Федор Бурлацкий и научно-партийный функционер, руководитель первого социологического центра Геннадий Осипов⁴⁶. Создание центральной институции, призванной обеспечить аналитическими материалами аппарат ЦК КПСС, закрепляет комплекс «социология» в государственной бюрократической иерархии. В свою очередь, отсутствуют внутренние интеллектуальные критерии, исходно определяющие границы социологического комплекса и допуск к профессии⁴⁷. В социологические центры официально и полуофициально устраиваются на работу философы, историки, психологи, математики. Новоприбывшие назначаются социологами по факту прибытия. В отсутствие предшествующих интеллектуальных (коллегиальных) взаимодействий, результаты которых были бы закреплены под именем «социология», как это можно было наблюдать во Франции, общим регулятивом социологического исследования выступает «практическая польза», а конечным адресатом — государственное чиновничество. Только к середине 1960-х годов появляются первые переводные издания и компилятивные пособия, по которым социологические «самоучки» (по их самоопределению) осваивают методы в процессе их применения и с которыми соотносят свои профессиональные успехи⁴⁸.

Связь между исходно политическим назначением советской социологии и слабостью интеллектуальной регламентации карьер в дисциплине заставляет усомниться в историческом единстве международной науки социологии, часто допускаемом по умолчанию. Она же делает необходимым ретроспективно уточнить смысл французской социологии как автономистского проекта в стенах центральной университетской институции. Озабоченный вопросом университетской легитимности в политически компромиссной конъюнктуре, Дюркгейм ищет отнюдь не благосклонности университетского «начальства», но интеллектуального и процедурного признания со стороны коллег, которыми он числит прежде всего философов. Созданный Жоржем Гурвичем в совсем ином институциональном контексте, в составе новой и стремительно огосударствля-

46 Архивный материал, фиксирующий перипетию создания института, представлен в (Пугачева 1994).

47 По ряду свидетельств, решение о приеме на работу принимается на основании «человеческих симпатий». Прекрасную иллюстрацию этому дает руководитель сектора новых форм труда и быта: «Люди искали. Как-то приходит ко мне один человек, говорит: “Есть у меня сосед, вроде такой смысленый, работает в одном вузе на кафедре экономики”. Давай, говорю, приведи его ко мне. Приводят (это просто как иллюстрация, таких примеров были десятки, сотни). Такой молодежавый, боевой. Беседуем — так, мол, и так. “Ну, хорошо, — заключает он, — только заранее предупреждаю: бригадами коммунистического труда заниматься не буду!” — “Ладно, оставь свое заявление”. И я сразу его зачислил» (Российская социология... 1999).

48 Подробнее об этом см. (Бикбов, Гавриленко 2003: 190–194).

ющей академической структуры CNRS⁴⁹, Центр социологических исследований (1946) функционирует отнюдь не по принципу вертикальной аффилиации, но как автономная коллегиальная инстанция. Реальность самоуправления заново подтверждается здесь в ходе событий мая 1968 года, когда Общее собрание (*Assemblée générale*)⁵⁰, то есть простое большинство сотрудников Центра, пожелавших участвовать в обсуждении и голосовании, принимает решение о бессрочной забастовке, продлившейся около года, а также о перевыборах руководства, в результате которых на смену «университетскому мандарину» Жану Стоцелю избирается сотрудник Центра, сюрреалист, троцкист и социолог труда Пьер Навиль⁵¹.

Поиски легитимных оснований для новой дисциплины и институционализация первых социологических центров в послевоенном СССР встраивается в кардинально отличную, одновременно начальственную в карьерном и гетерономную в интеллектуальном отношениях логику. Создание в 1960 году утилитарного по тематике сектора новых форм труда и быта в рамках Института философии АН СССР предстает своеобразным пактом с «начальством», который предполагает не только прямую санкцию из ЦК КПСС, но и — в качестве предварительного и необходимого условия — принадлежность самого руководителя сектора (Геннадия Осипова) к специфическому типу государственной бюрократии⁵². Схожая схема действует в случае социологической лаборатории при ЛГУ. Ее директор (Владимир Ядов) поначалу занимает должность секретаря райкома комсомола, затем секретаря комсомольской ячейки университета. Решение о ее создании отнюдь не ограничивается согласием между коллегами. Единственно доступный путь институционализации через государственные и партийные органы и единственно возможный в этих условиях партийно-научный тип восходящей карьеры «естественным образом» предопределяют специфику познавательного горизонта дисциплины. Так, центральная гипотеза самой известной исследовательской монографии советского периода «Человек и его работа» (1967)⁵³, которая резюмирует деятельность социологической лаборатории при ЛГУ за несколько лет, столь же искренне, сколь лояльно воспроизводит титульную максиму партийной ортодоксии о «превращении труда в первую жизненную потребность при переходе от социализма к коммунизму».

Насколько зарубежный опыт сохраняет ключевую роль в формировании познавательного горизонта дисциплины, настолько распоряжение им регламентируется бюрократическими критериями. Учрежденная на выходе из режима жесткой политической (само)изоляции, советская социология в полной мере наследует противоречивый комплекс активного заимствования / отторжения в отношении «зарубежной науки». Этот комплекс явственно отражается в содержательном измерении дисциплинарных текстов и целых тематических секторов, таких как «критика буржуазных социологических теорий»; гораздо менее явственно и при этом столь же основательно — в механизме социологических карьер. Не следует упускать из виду, что большинство советских социологов получало представление о международной дисциплинарной конъюнктуре по пересказам и вторичной советской литературе, прошедшей утверждение отделов идеологии и науки ЦК. Прямой доступ к зарубежным публикациям, в частности из раздела «Для служебного пользования» научных библиотек, регламентировался не только *de facto* редким владением иностранными языками, но и формаль-

49 Уже упомянутый Национальный центр научных исследований (CNRS), учрежденный в 1939 году и экспансивно развивающийся в послевоенный период.

50 Еще одна привычная для академического мира Франции категория (понятие и институциональная рутина), которая не переводится на научный русский язык без дополнительных пояснений, поскольку в советском / российском академическом мире общее собрание предстает административным мероприятием с соблюдением иерархической субординации и заранее сформулированной повесткой.

51 История Центра была представлена в докладе на тематической конференции «Май 68: плавильный котел для социальных наук?»: Vannier P. *Mai 68 et la sociologie: une reconfiguration institutionnelle et théorique* (10 сентября 2008, Centre Malher, CNRS).

52 Поначалу ученый секретарь и секретарь комсомольской организации Института философии, затем (с конца 1950-х годов) заместитель директора института и вице-президент Советской социологической ассоциации, в составе которой на протяжении как минимум 10 лет не было ни одного профессионального социолога (Батыгин 1999).

53 Соавторы: Андрей Здравомыслов, Василий Рожин, Владимир Ядов.

ными ограничениями по тематической области исследований и служебной принадлежности⁵⁴. Неизменно более высокие требования регламентировали контакты с зарубежными учеными. Это напрямую зависело от места в административной и партийной иерархии заведений. Базовым условием присутствия при выступлениях зарубежных социологов являлась принадлежность слушателей к числу комсомольских или партийных функционеров. А списки допуска к встречам с американскими или европейскими социологами, посетившими СССР (и тем более включение в делегацию международного конгресса), формировались на бюро комсомола / партии и утверждались в тематических отделах ЦК КПСС⁵⁵.

В результате появился целый ряд известных впоследствии социологов, вошедших в профессию в конце 1950-х — начале 1960-х годов и демонстрирующих образцы «нового профессионализма», отсылающего к международному контексту. Это обладатели двойных — партийно-научных — траекторий: упомянутые Ядов и Осипов (секретари комсомольской организации), Юрий Левада (аналогично), Андрей Здравомыслов (член КПСС, участник групп при отделах ЦК, впоследствии заведующий кафедрой Высшей партийной школы), Татьяна Заславская (член КПСС с 1954 года), Игорь Кон (несмотря на беспартийность, участник подготовительных комиссий по десталинизации к Пленуму 1956 года) и ряд других⁵⁶. Двойное членство в *интеллектуальных* и официальных *партийных структурах* «естественно» обеспечивает им международную социализацию и столь же «естественно» ведет их к интеллектуальным и политическим компромиссам.

Важным звеном социологической карьеры служат упомянутые зарубежные «выезды», на которые могли рассчитывать прежде всего обладатели относительно высоких партийных и административных должностей. Риск оказаться «невыездным», то есть лишиться одновременно средств к поддержанию международных связей и административного влияния, выступает важным источником политического и одновременно теоретического благоразумия. Альтернатива самоцензуры, которая делала невозможным серьезный теоретический разрыв с официальной догмой, может быть описана следующим образом: «не выехать» — значит выпасть из системы сложившихся научных контактов и сдать во внутрипрофессиональной иерархии, «выехать» — значит корректно соблюдать границу между собственными интеллектуальными амбициями и официальной догматикой.

Те же служебные принципы управляют восходящими социологическими карьерами и познавательными образцами вне области международных контактов. С уровня заведующего отделом научного института должности утверждаются в отделах ЦК, тем самым сближая административный корпус институтов с государственным управленческим аппаратом и делая его доступным для партийного контроля и взысканий по результатам интеллектуальной деятельности. В ряде случаев партийный контроль включает совместное рассмотрение дирекцией и отделами ЦК кандидатур старших научных сотрудников и желающих защищать докторскую диссертацию. Разновидность *компромиссной карьеры*, при которой доступ к решающим интеллектуальным ресурсам гарантирован служебной лояльностью, становится собственным профессиональным местом советской социологии. Одним из ее фундаментальных познавательных продуктов становится модель эмпирического исследования, проводимого в «сотрудничестве с административными органами и общественно-

---

54 Ряд социологов, работавших в советских институтах, указывали (в интервью автору настоящей статьи и различных публикациях), что «в целом не было никакой проблемы» при доступе к зарубежной литературе, хранившейся в библиотеках под грифом «ДСП». При этом большинство из них были членами бюро ячеек комсомола или партии, вели административную или «общественную» работу, то есть уже принадлежали к категории сотрудников, имеющих привилегированный доступ к зарубежным источникам. Если кто-то на время утрачивал ДСП-доступ или получал отказ в выдаче конкретной книги / статьи (в частности, из-за несоответствия ее содержания заявленной тематике исследований), искомую публикацию, порой заранее цензурированную сотрудниками спецотдела, мог взять для него более высокопоставленный или не утративший лояльной репутации сотрудник. Иными словами, при относительной простоте коллективного доступа к зарубежным публикациям и преодолении ограничений в основе индивидуальных ограничений лежали критерии служебной лояльности.

55 Интервью автора статьи с Андреем Здравомысловым. 29.05.2004.

56 Ряд данных почерпнут из интервью в сборнике «Российская социология 60-х годов», из интервью автора с Андреем Здравомысловым, а также из публикации серии интервью Дмитрия Шалина с Игорем Коном 1990–1996 годов (www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/kon_96.html).

стью»⁵⁷, другими — неразличимость социологических и социальных проблем и заимствование гипотез исследования из партийных постановлений⁵⁸.

В конечном счете, познавательный выбор советской социологии в пользу «большой теории» (марксизм и структурный функционализм Толкотта Парсонса) в соединении с позитивистскими техниками описания (в духе Пола Лазарсфельда) оказывается продуктом политического компромисса и карьерного альянса между представителями государственной бюрократии и новым поколением социологов, отчасти к этой бюрократии принадлежавших.

Акт идеологически-служебного учреждения социологии многократно воспроизводится при создании академических центров, утверждении их тематического репертуара, в перипетиях социологических карьер, способе конструирования социальных и социологических проблем, проведении исследований из нужд и средств отделов идеологии и науки ЦК, областных комитетов КПСС и так далее. Обеспечивая право социологических институций на существование, их бюрократическая аффилиация вносит регулярную поправку в познавательные возможности социологии как науки: как со стороны внешнего, сугубо партийного прочтения и цензурного контроля, так и со стороны политической самодисциплины самих социологов. Работа по непрерывному двойному дисциплинированию смещает профессиональные тексты к разновидности научно-политической публицистики и аналитики для узкой аудитории, преимущественно состоящей из государственных чиновников⁵⁹.

Подобная бюрократическая сверхопределенность комплекса советской социологии, рудиментарность коллегиальных форм и внеинтеллектуальная (само)цензура естественным образом возвращают нас к вопросу о том, *чем* — в сравнении с французской или некоторыми иными западно-европейскими версиями — предстала версия советская. Тот же самый вопрос можно сформулировать иначе: что в этих обстоятельствах может означать «дисциплина» или о какой дисциплине может идти речь? Советскую социологию невозможно рассматривать в терминах «чистой» интеллектуальной практики, которая обеспечивалась бы работой автономных (самоуправляемых) образовательных институций и опиралась бы на технически независимые критерии доступа в профессию. При этом, несмотря на действие кодекса служебной лояльности, ее нельзя рассматривать и в терминах одной только партийной самоцензуры. Минимальные требования научности — по меньшей мере ввиду участия советских социологов в международном состязании — также определяют характер этого тактического комплекса.

Можно констатировать, что с конца 1950-х годов советская социология формируется как двойственный административно-интеллектуальный инструмент влияния на государственный аппарат со стороны его умеренно реформистских фракций⁶⁰. Консервативные фракции, одержавшие верх в 1970-х годах, получают возможность сместить с ключевых позиций реформистски ориентированных научных администраторов и «их» социологов, как это происходит в 1972 году в Институте конкретных социальных исследований. Но они уже не могут попросту «отменить» институции, которые плотно вписаны не столько в интеллектуальные, сколько в аппаратные и партийные иерархии.

Перестав рассматривать теоретический горизонт социологии отдельно от институциональных (в частности, карьерных) рутин, мы получаем возможность гораздо яснее обозначить границы и механизмы воспроизводства этого компромиссного образования, которое продолжает существовать в начале 1990-х годов и заново учреждается в 1990–2000-е годы. Развивая эту линию и помня о различиях между российским

---

57 См. сноску 2.

58 Подробнее об этом см. (Бикбов, Гавриленко 2003: раздел «Правила метода и “социальная проблема”»).

59 Такие интеллектуальные казусы, как рубрика ответов на «письма трудящихся», о смысле социологических понятий, содержании публикаций и так далее в единственном дисциплинарном журнале советского периода «Социологические исследования» (основан в 1974 году) лишь усиливают своеобразие этого жанра.

60 Фигура партийного деятеля и академика-экономиста Алексея Румянцева, который сыграл ключевую роль в институционализации дисциплины, став первым директором Института конкретных социальных исследований, может служить особенно яркой иллюстрацией этой двойственности на высоком иерархическом уровне.

и французским случаями, мы можем проследить частичное подобие социологических диспозиций советского и дореволюционного периодов.

В советском универсуме социологическая практика отправляется в интеллектуальном секторе государственной службы; в российском дореволюционном она была возможна лишь как частный досуг за пределами государственной карьеры. Однако в обоих случаях социология — как эмпирически фундированное критическое описание актуальных социальных порядков — исключена из состязания за университетскую легитимность и закрепляется на полюсе публицистики, всегда политически сверхопределенной: антимонархической диспозицией в ранней версии и бюрократической — в поздней. Для позднесоветских социологов, государственных служащих, научный профессионализм становится одной из немногих доступных форм относительной политической свободы или этического спасения⁶¹. В свою очередь, критический и экспансионистский ход, подобный дюркгеймовскому, который позволил бы социологам потеснить доктринальных философов на университетских кафедрах, остается недоступным. Компромиссная карьера и партийная самодисциплина социологов симметричны институциональному доминированию над социологией исторического материализма, который оставляет ей уровень «конкретных методов» и «частных обобщений», одновременно монополизируя социальную тематику в рамках университетского преподавания. В прямом состязании с партийными философами-ортодоксами за самостоятельное определение основ дисциплины социологи, вплоть до конца 1980-х годов, раз за разом терпят поражение⁶². Функционируя как одно из звеньев двойного научно-бюрократического дисциплинирования, «младшая», одновременно партийная и теоретическая, позиция социологии благоприятствует ее закреплению в «гетто» служебной литературы и маргинализации в советских интеллектуальных иерархиях.

ДИСЦИПЛИНИРУЯ СОЦИОЛОГИЮ ЗАНОВО: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДЕЛЫ ОБНОВЛЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

Принимая в расчет соответствие между теоретическими и карьерными структурами дисциплины, следует признать, что производство неортодоксальных результатов и обретение ею интеллектуальной состоятельности могли быть связаны прежде всего с изменением модели управления — сдвигом от руководства профессиональной бюрократией «рядовыми» академическими работниками к коллегиальному самоуправлению социологов. Отсутствие этого сдвига (а точнее сдвиг в противоположном направлении, в сторону патронального утилитаризма) засвидетельствовала пресловутая формула «работы на заказчика», которая закрепляется в основе (само)определения дисциплины по мере ее переучреждения. Заложенное уже в позднесоветский период, это направление, однако, не было единственно возможным.

Конец 1980-х — начало 1990-х годов предстает моментом приостановки прежних иерархий, высокой социальной неопределенности и всеобщих дебатов, которые соединяют в представлении о «демократических реформах» фрагменты конфликтующих моделей и разнонаправленных тенденций. Как и повсюду, в академическом мире прекращается действие прежних рамочных регламентов и институций, создаются и непрестанно реформируются новые, всерьез дебатруется необходимость демократического управления наукой и перевода ее на самоокупаемость, освобождения от наследия командно-административной системы и укрепления государственной роли науки.

⁶¹ Выбор «настоящих профессионалов» в пользу Парсонса и Лазарсфельда — в оппозиции ортодоксальному марксизму — в целом следует этому императиву. Пример советской медиэвистики, приводимый выше, дает представление о более последовательной реализации той же логики.

⁶² В отличие от множества кулуарных форм утверждения академической иерархии это состязание получает публичное выражение в форме дискуссий о «предмете социологии», регулярно возобновляемых на страницах «Вопросов философии», «Социологических исследований» и в предисловиях к монографиям по социологии и историческому материализму на протяжении 1950–1980-х годов.

В этом вроде бы хаотическом движении можно обнаружить некоторые элементы порядка, которые определяют ближайшее будущее социологии. Принципы бюрократической сверхопределенности и начальственного управления отнюдь не растворяются в стенах первых (1989 год) университетских факультетов социологии, кадровый состав которых во многом пополняется преподавателями расформированных идеологических кафедр. Однако в начале академической деиерархизации самоуправляемые формы получают естественное преимущество, подкрепленные энергией официального отказа от «единственно верного учения» — ортодоксального марксизма. Возможно, в наиболее явном виде колебания общего институционального контура академических карьер и суммирующий вектор этих колебаний прослеживаются в реформах Академии наук (АН) СССР, куда социология официально вписана с конца 1960-х годов.

В 1987 году ряд функций Президиума АН передается отделениям академии. Вводится выборность директоров институтов, ученых советов и даже глав подразделений (лабораторий). Решением общего собрания Академии наук⁶³ устанавливаются 65-летний порог для занятия организационных должностей и норматив ежегодного пятипроцентного обновления институтов молодыми исследователями (Лахтин 1990: 44–45, 90)⁶⁴. Ранее (в 1986 году) принимается еще более кардинальное решение: аттестация научных работников Академии наук переносится из ведения открытых собраний ученых советов в ведение администрации институтов⁶⁵, что усиливает полномочия последней.

К середине 1990-х годов множество «антиавторитарных» академических изобретений конца 1980-х годов не реализовано вполне или вовсе, подобно 65-летнему возрастному пределу для административных должностей, который каждый раз исчезает из итоговых текстов Устава РАН, вплоть до последней редакции 2007 года. Результирующий вектор реформ указывает на *de facto* произошедшую скорее консервативную, нежели либеральную революцию. Когда в 1991 году за Академией наук законодательно закрепляется статус самоуправляемой организации⁶⁶, подразумевается вовсе не создание коллегиальных структур «рядовыми сотрудниками», но отсутствие министерского контроля над деятельностью Президиума АН, а также закрепление собственности на недвижимость за научными институтами и налоговые льготы. Именно вопросы владения землей и зданиями находятся на протяжении 1990–2000-х годов в центре дискуссий о реорганизации АН, в частности об изменениях ее Устава, тем самым практически определяя автономию (самоуправление) как право распоряжаться собственностью и наличие независимой бюрократической вертикали⁶⁷.

Для социологии, учрежденной в позднесоветский период с его крайне ограниченными институциональными ресурсами коллегиальности, перенос оценки карьер с открытых собраний в кабинеты руководства

63 Высший орган управления АН, который включает не всех сотрудников академических институтов, а академиков и членов-корреспондентов, то есть обладателей почетных званий и высших административных позиций в академическом секторе, а также временно делегированных по квоте представителей научных организаций, чьи кандидатуры также не обсуждаются на коллегиальных собраниях институтов.

64 Отметим, что одним из синонимов демократизации науки в послесоветском контексте выступает представление о ее коммерциализации. В стенах институтов, в Президиуме АН и Госкомитете по науке и технике ведутся дискуссии о преобразовании учреждений в гибкие научные «программы» и переводе всех сотрудников на контрактную основу. До середины 1990-х годов в коллизиях между конкурирующими административными фракциями (при активной роли Министерства науки) происходит регулярный возврат к вопросу о самокупаемости научных учреждений и попыткам закрепить его законодательно.

65 Положение о порядке проведения аттестации руководящих, научных, инженерно-технических работников и специалистов научно-исследовательских учреждений, конструкторских, технологических, проектных, изыскательских и других организаций науки (утв. постановлением ГКНТ СССР, Госстроя СССР и Госкомтруда СССР от 17 февраля 1986 г. № 38, 20, 50).

66 Указ Президиума Верховного совета РСФСР от 24 января 1990 г. «Об учреждении Академии наук Российской Федерации»; Постановление Верховного совета РСФСР от 15 февраля 1991 г. «О дальнейшей работе по организации Российской академии наук»; Указ Президента РСФСР от 21 ноября 1991 г. № 228 «Об организации Российской академии наук».

67 См. итоговые версии уставов Академии наук (последний доступен на сайте www.ras.ru). Единственный пункт (№ 3), где употребляется понятие «самоуправления», определяет сферу бюрократической компетенции и принципиально не содержит отсылок к процедурной коллегиальности: «Российская академия наук является самоуправляемой организацией, которая проводит фундаментальные и прикладные научные исследования по важнейшим проблемам естественных, технических, гуманитарных и общественных наук и принимает участие в координации фундаментальных научных исследований, выполняемых научными организациями и образовательными учреждениями высшего профессионального образования, финансируемых за счет средств федерального бюджета» (2007).

окончательно закрепляет академическую власть за дирекцией учреждений. В свою очередь, демонтаж советского аппарата, отделов науки и идеологии ЦК, выполнявших экспертные функции, не обеспечивает механического изменения дисциплинарных критериев в пользу интеллектуальных приоритетов. *Напротив*, устранение центральных государственных органов из институциональных обменов лишь усиливает локалистские и патерналистские тенденции в академическом управлении, что оправдывается лихорадочным поиском финансового самообеспечения институций (в силу резкого снижения государственного финансирования в начале 1990-х годов)⁶⁸. Наиболее эффективные формы (сдача помещений в аренду, оптимизация коррупционных схем поступления в вузы) весьма далеки от интеллектуальных.

В 1990-е годы идеалы академического самоуправления окончательно капитулируют перед критериями финансовой самокупаемости. К началу 2000-х годов носителем власти в исследовательских и образовательных институциях выступает «начальство», дисциплинарные связи тяготеют к изоляции в стенах отдельных учреждений, а крупные межинституциональные события, подобные всероссийским конгрессам, приобретают явственный ритуально-представительский характер⁶⁹.

Независимые профессиональные ассоциации как форма самоуправления остаются «незавершенным проектом», вскоре окончательно забытым. При растущей с конца 1990-х годов герметичности институций самоуправление не находит опоры в рутинных формах низовой коллегиальности, обладающих высшей легитимностью «само собой разумеющегося» во французской социологии. В последнем случае они обеспечивают совместное принятие решений внутри и поверх стен академических центров, развернутое в деятельности упомянутых выше ученых советов и советов лабораторий, общих собраний, профсоюзных сетей, национальных комитетов по оценке карьер, где представлены все категории сотрудников, включая (в ряде случаев) аспирантов и студентов.

Попытки неоконсервативного французского правительства под неолиберальными лозунгами «отменить» в 2005–2009 годах коллегиальные структуры не только привели в действие протестные движения⁷⁰, но и наряду с критическими конференциями, уличными акциями, острыми публикациями и публичными декларациями вызвали по меньшей мере две масштабные и институционально релевантные коллективные контрмеры: создание Национальной координации университетов⁷¹, которая 22 января 2009 года приняла решение о всеобщей бессрочной забастовке университетов вплоть до отзыва правительством поправок к закону о статусе преподавателей-исследователей⁷², и декларативный отказ более 3600 ученых участвовать в качестве временных экспертов в работе Агентства оценки исследований и образования (AERES), призванного со временем переписать некоторые функции постоянных национальных комитетов (2008)⁷³.

Отсутствие рутинизированных форм коллегиальности в российской социологии подчиняет учреждение и переучреждение профессиональных ассоциаций логике, близкой к *raison d'être* Советской социологической ассоциации (ССА), а именно прагматике международного и национального представительства социологических институций. В частности, оформление наследства ССА оказалось вопросом наибольших

68 Так, доля государственных расходов по статье «Фундаментальные исследования и содействие НТП» с 3,86% в 1991 году последовательно сокращалась до 1,6% в 1996 году, а общие затраты на научно-исследовательские разработки из различных источников составляли в 1991 году 66,9% от уровня 1990 года и колебались в пределах 22,5–30% вплоть до 1999 года. На основе данных из (Гохберг, Миндели 2000: 90, 93; Квалифицированные кадры...1999: 238; Наука в России...: 70; Кузнецов 2002: 108).

69 Помимо прочего, это выражается в крайне незначительном числе межинституциональных исследовательских и образовательных проектов.

70 Движение, объединившее исследователей из разных дисциплин, включая социологию, «Спасем исследования» (SLR, создано в 2003 году), движение «Спасем университет» (SLU, 2007 год) — с 2009 года ведут совместную активность.

71 Орган, созданный самими преподавателями, куда общие собрания каждого заведения (46 из 80 французских университетов) делегировали двоих преподавателей. Немногим позже он расширил представительство до пяти делегатов (включая представителя от технического персонала и представителя от студентов), уже от 67 университетов и 12 других учебных заведений.

72 Эта новость широко распространялась на множестве автономных интернет-ресурсов, посещаемых французской интеллектуальной публикой, в частности на www.fabula.org/actualites/article28363.php.

73 Подробности о последнем — на сайте www.sauvonslarecherche.fr (новость от 6 октября 2008).

институциональных ресурсов. Ее преемник (Российское общество социологов — РОС — созданное в 1989 году как республиканская организация ССА) стал очередной репликой институциональных отношений между центральным академическим учреждением, Институтом социологии РАН (на базе которого *de facto* функционирует РОС) и региональными социологическими центрами.

С конца 1990-х годов по мере локализации академической власти и складывания конкурирующих альянсов вида «центральная институция — младшая клиентская сеть», а также превращения недавно созданных факультетов в самостоятельные центры институциональных сил логика «простого» бюрократического представительства уступила место режиму межинституциональной борьбы, приобретающей все более отчетливую политическую окраску. В начале XXI века наиболее крупные институциональные альянсы формировались вокруг двух полюсов. С одной стороны, вокруг Института социологии РАН, отчасти пересекающегося по кадровому составу с Высшей школой экономики (сеть РОС). С другой стороны, вокруг Института социально-политических исследований РАН и социологического факультета МГУ (сеть Российской социологической ассоциации⁷⁴).

В терминах локальной борьбы эти альянсы уже к концу 1990-х годов в целом описывались как «либеральное крыло» *versus* «патриотическое»⁷⁵ в переводе на политический язык доминирующих институциональных установок на международный / национальный контекст при общей тенденции к дальнейшей провинциализации и бюрократизации дисциплины. Во второй половине 2000-х годов экспансия правого полюса продолжилась с созданием новой ассоциации — Союза социологов России (2007 год), на сей раз на базе Социального государственного университета. В состав ее организаторов также вошло руководство Института социально-политических исследований РАН и социологического факультета МГУ. Политическая конфронтация «чисто» бюрократических поначалу объединений увеличила непроницаемость межинституциональных перегородок и сделала еще менее вероятным эффект общедисциплинарной коллегиальной солидарности.

В стенах институций усиление локального характера академической власти выразилось в росте индивидуальной зависимости «рядового» сотрудника от «начальства» как непосредственного работодателя⁷⁶, а исследовательского проекта — от непосредственного заказчика. Столь же непосредственное выражение инволюция структуры академической власти получила в интеллектуальном горизонте дисциплины. Первым и наиболее заметным следствием такой локализации / провинциализации академических связей (вторая половина 1990-х — 2000-е годы) становятся изоляционистские и даже националистические тенденции на фоне непрерывно растущего числа переводов и заимствований из международного социологического словаря. Крайнюю форму эти тенденции приобрели в публичном приговоре «вредному влиянию Запада», произносимому одновременно от имени социологии и от имени квазирелигиозно определяемого морального порядка на ультраконсервативном полюсе⁷⁷. Мягкая и гораздо менее очевидная форма обнаруживается в повсеместном и привычном управлении издержками неопределенности, которая сопровождает зависимость социологов от множества изолированных и временных заказчиков. Способом снижения издержек

---

74 Создана в 2003 году.

75 См., например, употребление понятия «либеральное крыло профессионального сообщества» в биографической статье о Владимире Ядове (Социологи России и СНГ... 1999: 354).

76 Эта тенденция приобретает явную форму во второй половине 2000-х годов, особенно масштабную с конца 2008 года — с одновременным падением доходов в образовательном секторе и отменой общенациональной тарифной сетки для государственных служащих. Отныне половина фонда зарплаты каждого заведения поступает в непосредственное распоряжение руководства, которое самостоятельно перераспределяет эти средства между сотрудниками на основе личной оценки эффективности их работы.

77 Наиболее явные, но не исключительные случаи — руководство социологического факультета «главного» российского вуза, МГУ, отчасти Института социально-политических исследований РАН. Конфликт 2007–2008 годов на социологическом факультете МГУ стал увеличительным стеклом, позволившим в деталях наблюдать эти тенденции. Помимо прочего, он заставил наиболее консервативные фракции дооформить и транслировать вовне свое практическое кредо (в частности, «православную социологию»), а также подтвердил выгоду публичного невмешательства как преобладающей стратегии гораздо менее реакционного большинства социологов.

становятся не горизонтальные (типа профессиональных) структуры, а партнерство на более высоком уровне — уровне государственного аппарата. С середины 1990-х годов руководители социологических проектов и институций добровольно возобновляют поиск муниципального и государственного патронажа, дезавуированного в конце 1980-х годов, а значительный сектор проектов и публикаций упредительно адресуется к «власти»⁷⁸.

Другое интеллектуальное следствие возросшей локальности академической власти — негласный отказ от экспансионистского принципа единой «науки о человеке», оптимистически провозглашенного в конце 1980-х — начале 1990-х годов и задававшего тон целой серии исследовательских программ и межинституциональных взаимодействий. На смену ему приходит рутинная практика институциональной экономии усилий, которая упорядочивает деятельность крупных заведений по отраслевому принципу⁷⁹ и — что еще явственнее определяет актуальный характер дисциплины — прагматично избегает нерентабельного синтеза эмпирических исследований с социологической теорией в публикациях и учебных планах, предназначенных прежде всего для употребления в стенах самих институций.

«Мультипарадигмальность» в рамках одного исследования, которая торжествует к середине 1990-х годов⁸⁰, не только и не столько отражает растущую доступность «западных теорий», сколько фиксирует исчезновение централизованной инфраструктуры, прежде обеспечивавшей социолога значительными объемами ресурсов и данных. Неконсистентность материальных ресурсов при видимом избытке малоосвоенных теоретических ведет к восстановлению в дисциплинарных классификациях официальной советской дихотомии «теоретического / прикладного», которая маркирует водораздел между академической отчетностью и коммерческими заказами, благородным социологическим досугом и доходной технической специализацией. Вторую жизнь получает и «социальная проблема», которая по-прежнему предстает отправным пунктом эмпирического исследования в учебных пособиях и образовательной практике 1990–2000-х годов⁸¹.

Большим институциям, воспроизводящим эти интеллектуальные образцы, во многом противостоят малые интеллектуальные и образовательные центры, которые с начала 1990-х годов институциализируют тренды, выходящие за пределы советской социологии: «качественные методы», понимающая социология, гендерные исследования, социальная политика. Они являются точками кристаллизации иного рода дисциплины, ориентированной на международные критерии профессионализма и регулятивы единой социальной науки, при этом занимая в балансе академической власти конца 2000-х годов маргинальное положение. Одним из ключевых показателей этого служит незначительная доля докторов наук в их составе и отсутствие собственных диссертационных советов⁸². В свою очередь, эти обстоятельства сохраняют за крупными институциями статус основных центров профессионального воспроизводства, подталкивая исследователей-неконформистов к неизбежным компромиссам с доминирующими дисциплинарными моделями или, напротив, к окончательному уходу «из науки» (при и без того ощутимом замедлении их академических карьер).

В целом ряд издержек, характерных для советской версии социологии и возникавших на линии сопряжения между ее партийными и интеллектуальными структурами, с прежней силой воспроизводится в постсоветский период. Можно сказать, что изменяется масштаб, но не господствующая модель управления дис-

78 Попытки заново вписать социологию в «государственные интересы» и «приоритеты» возобновляются администраторами институций и руководителями проектов в середине 1990-х годов. Они характерны не только для почвеннического полюса (Институт социально-политических исследований), но и для вполне умеренных в политическом и профессиональном отношении позиций, представленных на рынке опросов и консультирования, а также академической экспертизы. Так, предвыборные выступления при выдвижении на пост директора Института социологии РАН в 2000 году у двух из трех кандидатов, Леонаиды Дробижевой и Валерия Мансурова, строились вокруг превращения Института в государственный экспертный центр.

79 История и теория социологии, социология молодежи, социология труда, социология культуры и так далее.

80 Компактный и показательный образец теоретического обоснования «политеоретичности» см.: (Ядов 1995).

81 Подробнее см.: (Бикбов, Гавриленко 2003: Правила метода и “социальная проблема”).

82 По сути, ключевой фактор, открывающий дорогу к дальнейшей институциализации новых направлений: воспроизводство корпуса преподавателей и исследователей, чья карьера не обязана компромиссу с более консервативными институциями.

циплиной, порождающая в новых политических условиях прежние интеллектуальные эффекты благодаря воспроизводству структур академической микровласти. Рынок социологических услуг (фигура профессионального воображаемого периода реформ и скрытая переменная интеллектуального конформизма дисциплины в 1990–2000-е годы) структурирован таким образом, что его возможности вполне отвечают профессиональным навыкам бывших советских социологов, в большинстве сохранивших ключевые позиции. Кроме того, логика «внутренней» институциональной рентабельности переводит большие социологические заведения в режим латентной, а порой и явной (как в случае социологического факультета МГУ) *антиинтеллектуальной цензуры*, которая действует не только в стенах отдельных заведений. Она может распространяться и за их пределы, снижая шансы институционализации интеллектуальных амбиций и видов активности, не вписывающихся в «начальственную» модель академической карьеры, через рецензирование учебников (ввиду присвоения им рекомендательных министерских грифов), утверждение государственных образовательных стандартов по дисциплине и аттестацию образовательных центров, включая независимые малые⁸³.

При сопоставлении различных исторических и национальных версий дисциплины есть все основания согласиться с утверждением Майкла Буравого о продуктивном характере социологической ангажированности широкими социально-критическими вопросами⁸⁴. При этом следует учитывать, что такая ангажированность не является следствием элементарного «личного намерения» отдельных исследователей. Конструирование проектной и публичной связи с общественными движениями или коллективная способность социологов к критическому анализу «больших» социальных структур тесно вписаны во внутреннюю микроструктуру интеллектуального комплекса социологии, то есть в организацию самой дисциплины как формы власти. В зависимости от конфигурации академической микрополитики познавательные модели будут тяготеть к советским партийным схемам, к бразильским активистским и так далее. Принуждения и побуждения, регулярно воспроизводимые в академических взаимодействиях, — то есть дисциплина в собственном смысле слова — образуют социальное основание той исходной сети категорий, которую социологи проецируют вовне, наделяя весь социальный мир первично узнаваемыми чертами.

Рудиментарность коллегиального самоуправления в российской социологии лишает ее основного ресурса познавательного обновления и средств сборки сильной публичной программы. Консервация «начальственных» структур академической власти 1970-х годов в больших заведениях, бесконфликтно надстраиваемых в 2000-е годы «новой» моделью патрональной власти (руководства заведений как непосредственных работодателей), консервирует на всем пространстве дисциплины и доминирующий репертуар интеллектуальных инструментов советского периода, несмотря на массивированный импорт теоретических образцов, получающих столь же методологически поверхностную, сколь институционально маргинальную рецепцию. Результатом консервации «начальственных» форм академической власти под поверхностью «либеральных» (1990-е годы) или «общеевропейских» (подобно Болонской) (2000-е годы) реформ становится последовательный сдвиг больших академических институций вправо: как в политическом смысле, в выборе «высоких» патронов и союзников, так и в организационном плане, в дискриминационной политике найма и управления «рядовыми сотрудниками».

Социологический факультет МГУ маркирует крайнюю точку на карте политических предпочтений в дисциплине, когда декан в 2007 году озвучивает целесообразность введения в образовательные программы «православной социологии» и необходимость распространения «русских духовных ценностей» в партнерстве с церковью (Добренков 2007). Однако он далек от исключительности, когда одновременно с утверждением новой «социологической» ортодоксии руководство факультета требует от преподавателей перевода учебных курсов в формат презентаций PowerPoint с целью их повторного использования любыми другими лекторами. Если в *макрополитическом* измерении российской социологии различия между «либеральным»

83 Перечисленные виды деятельности образуют сферу компетенции учебно-методического объединения по социологии и социальной антропологии Министерства образования РФ, которое функционирует на базе социологического факультета МГУ.

84 См. статью Майкла Буравого в этом номере журнала.

и «патриотическим» полюсами, культивируемые самими основными игроками, отчетливо разграничивают лагерь и институции, в организационном, или *микрполитическом*, измерении эти различия существенно нивелируются, в гораздо большей мере противопоставляя крупные институции малым (и немногочисленным) интеллектуальным центрам с характерным для последних режимом личной вовлеченности и элементарной коллегиальности «западного образца».

О том, что коллегиальный микрполитический режим может быть успешно реализован не только в малых, но и в крупных академических центрах, свидетельствует рутинное воспроизводство ассоциативных связей и чрезвычайная профессиональная мобилизация в самих «образцовых» институциях, в частности во французских университетах⁸⁵. Зыбкость «естественных» предпосылок к установлению этого режима в актуальной российской социологии демонстрирует, помимо прочего, преобладающая реакция социологов на студенческое выступление 2007 года. Наиболее распространенным ответом (со стороны больших и даже малых «либеральных» институций) на протест против деградации социологического образования стала формула невмешательства во «внутреннее дело» социологического факультета или МГУ, то есть отказ от публичной квалификации событий как предмета общепрофессионального интереса во имя сохранения бюрократического *status quo* — суверенного и локального руководства каждым отдельным заведением⁸⁶. Умеренно критические заключения и рекомендации внеинституциональной Рабочей группы по изучению конфликта (при Общественной палате РФ, 2007)⁸⁷ стали финальным аккордом студенческого восстания, не став началом более широкой профессиональной мобилизации.

Не менее показательно, что спонтанные интерпретации социологов из центральных институций зачастую определяли студенческое выступление как дело о смене административной власти и сопровождалось регулярными попытками разгадать фигуру «настоящего» вдохновителя и манипулятора за спинами студентов — институционального конкурента социологического факультета МГУ: «враждебного» университета, коммерческого или политического рейдера. Преобладание теории заговора над гипотезой о самоуправляемой мобилизации косвенно засвидетельствовало, что «нормальная» карьера академического социолога предполагает весьма солидный возраст и высокую должностную планку, при которых за ученым признается интеллектуальная зрелость и способность к автономному — не лицензированному руководством институции — действию. Однако еще более ясно эта воображаемая проекция на события отношений между могущественным «шефом» и безвольными «подчиненными» зафиксировала условия профессиональной деятельности самих интерпретаторов, куда вписаны жестко иерархические отношения между «руководством» и «рядовыми сотрудниками».

События вокруг социологического факультета МГУ могли стать — но не стали — поворотным пунктом в утверждении основ новой дисциплины коллегиальной солидарности. Отказ большинства социологов от активной позиции в конфликте и даже от признания его общедисциплинарного характера в очередной раз ратифицировал институциональные границы и сам принцип суверенных заведений. Подтвердив привилегию на решение «своего внутреннего дела», руководство факультета произвело «чистку рядов» студентов и преподавателей, создало полностью лояльные органы студенческого самоуправления, ужесточило конт-

⁸⁵ Последние численно сопоставимы с начальственно управляемыми гигантами российской образовательной системы. Так, упоминавшийся ранее университет Париж–VIII составляли в 2007/08 учебном году 1075 преподавателей, 601 технический работник и 21 487 студентов и докторантов (www.univ-paris8.fr/article.php3?id_article=1). Для сравнения: Московский государственный университет в 2005 году составляли около 9000 преподавателей и исследователей, около 15 000 технических сотрудников и 38 000 студентов и аспирантов (www.mmforce.net/msu/story/university.php?mid=1522).

⁸⁶ Формула невмешательства во «внутреннее дело» воспроизводилась прежде всего в неофициальной устной и полуанонимной блоговой коммуникации. Укорененность этой формулы в здравом смысле российских социальных наук подтверждается рядом близких примеров: в частности, она же служила обоснованием антиколлегиальных действий руководства вуза, на сей раз в отношении преподавателей, в другом университетском конфликте: см.: (Михель 2007: 165).

⁸⁷ См. промежуточную резолюцию (www.polit.ru/dossie/2007/07/13/opsoc.html) и итоговое заключение Рабочей группы (www.sociolog.net/zakluchenie.doc). По наблюдениям автора, участвовавшего в работе группы, ее исключительность (при сохранении ряда иерархических черт) состояла в коллегиальном характере принятия решений. В их подготовке наряду с исследователями и преподавателями принимали участие студенты.

роль над исполнением служебных обязанностей преподавателей и посещением занятий студентами, а также предприняло очередную попытку укрепить свое положение «наверху», пригласив возглавить Центр консервативных исследований (2008) лидера ультраконсервативного «Евразийского движения», советника партии «Единая Россия», автора радикально националистической версии геополитики Александра Дугина.

Излишне уточнять, что эскалация монопольного начальственного контроля над факультетом, сохраняющим, помимо наименования «социологического», одну из ключевых позиций в дисциплинарном балансе сил, снизила вероятность обновления доминирующих в социологии интеллектуальных предпочтений. Как снизила ее так и не сформировавшаяся альтернатива консервативному альянсу ССР под видом профессиональной ассоциации.

Главное достояние этих событий — урок академической микрополитики, когда представление о дисциплине и представительство в дисциплине преподавателей и студентов не опосредовались иерархически, имеют все шансы стать предметом такого же молчаливого вытеснения, каким был ранее и во многом остается вопрос об интеллектуальной состоятельности социологии. Лишь повторяющийся и последовательно рутинизируемый разрыв с «естественной» властью «начальства» над «рядовыми сотрудниками» в пользу самоуправляемых дисциплинарных ассоциаций и коллегиальных органов способен высвободить познавательные и критические возможности социологии как науки.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Батыгин, Геннадий и Инна Девятко. 1994. Миф о «качественной социологии» // *Социологический журнал* 2: 28–42.
- Батыгин, Геннадий (ред.) 1999. Интервью с Геннадием Осиповым // *Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах*. СПб: Издательство РХГИ.
- Бикбов, Александр и Станислав Гавриленко. 2002. Российская социология: автономия под вопросом // *Логос* 5–6: 162–185.
- Бикбов, Александр и Станислав Гавриленко. 2003. Российская социология: автономия под вопросом // *Логос* 2: 51–87.
- Бикбов, Александр. 2006. Институты слабой дисциплины // *Новое литературное обозрение* 77: 340–363.
- Бикбов, Александр. 2007. Тематизация «личности» как индикатор скрытой буржуазности в государстве «зрелого социализма» // *Персональность: Язык философии в русско-немецком диалоге* / Под ред. Николая Плотникова и Александра Хаардта, при участии Виктора Молчанова. М.: Модест Колеров: 404–426.
- Бурдьё, Пьер. 2003. *Политическая онтология Мартина Хайдеггера*. М.: Праксис. Гл 4.
- Вебер, Марианна. 2007. *Жизнь и творчество Макса Вебера*. М.: РОССПЭН.
- Голосенко, Игорь и Владимир Козловский. 1995. *История русской социологии XIX–XX вв.* М.: Онега, 1995. Гл. 1, § 2. 8–78.
- Гохберг, Леонид и Леван Миндели. (ред.) 2000. *Наука и технологии в России. Прогноз до 2010 года* / Москва: ЦИСН.
- Гутнов, Дмитрий. 2001. Парижские тайны: Русская Высшая Школа общественных наук в Париже, 1901–1906 гг. // *Мир истории* 7, <http://www.tellur.ru/~historia/archive/07-01/gutnov.htm>.
- Добреньков, Владимир. 2007. Православные ценности должны стать основой ценностной доктрины государства // *Русская линия*, www.rusk.ru/newsdata.php?idar=172112.
- Иванов, Константин. 2000. Наука после Сталина: реформа Академии 1954–1961 гг. // *Науковедение* 1: 184–211.
- Каради, Виктор и Морис Хальбвакс. 2000. Биографический очерк // Хальбвакс М. *Социальные классы и морфология*. М.; СПб.: Институт экспериментальной социологии, Алетейя.
- Каради, Виктор. 2004. Стратегии повышения статуса социологии школой Эмиля Дюркгейма // *Журнал социологии и социальной антропологии* 5: 12–49.
- Качанов, Юрий. 2000. *Начало социологии*. М.; СПб.: Институт экспериментальной социологии, Алетейя.
- Квалифицированные кадры в России*. 1999. М.: ЦИСН.
- Кузнецов, Юрий. 2002. Финансирование гражданской науки в России из федерального бюджета: положение дел и основные проблемы // *Отечественные записки* 7: 102–120.
- Лахтин, Георгий. 1990. *Организация советской науки: история и современность*. М.: Наука.
- Михель, Дмитрий. 2007. Университетская интеллигенция и бюрократия: борьба за университетские свободы в постсоветской России // *Неприкосновенный запас* 1: 153–170.
- Москвичев, Лев (ред.). 1997. Записка АН СССР о создании Советской Социологической Ассоциации, 26 декабря 1957 г. // *Социология и власть: Документы и материалы*. 1953–1968. М.: Academia. Вып. 1: 38.

- Наука в России: 2001*. 2001. Официальное издание. М.: Госкомстат.
- Прокуменщиков, Михаил. 2002. ЦК КПСС и советская наука на рубеже эпох (1952–1953) // За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки / Под ред. Манфреда Хайнеманна и Эдуарда Колчинского. СПб.: Дмитрий Буланин: 184–211.
- Пугачева, Марина. 1994. Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР, 1968–1972 годы // *Социологический журнал* 2: 158–172.
- Рабочая книга социолога*. 1977 / Под ред. Геннадия Осипова. М.: Наука.
- Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах*. 1999. СПб.: Издательство РХГИ.
- Социологи России и СНГ XIX–XX вв.* 1999. М.: Эдиториал УРСС.
- Социология в России*. 1998. М.: Изд-во ИСАН.
- Социология и власть*. 1997. М.: Academia, Вып. 1.
- Уваров, Павел. 2006. Портрет медиевиста на фоне корпорации // *Новое литературное обозрение* 81: 196–209 (<http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/197/209>).
- Филиппов, Александр. 1997. О понятии «теоретическая социология» // *Социологический журнал* 1/2: 5. 5–37.
- Шарль, Кристоф. 2005. Удачная женитьба Эмиля Дюркгейма // Шарль К. *Интеллектуалы во Франции. Вторая половина XIX века*. М.: Новое издательство.
- Элиас, Норберт. 2001. *О процессе цивилизации*. М.; СПб.: Университетская книга. Т. 2: 105–106.
- Ядов, Владимир. 1987. *Социологическое исследование: методология, программа, методы*. М.: Наука.
- Ядов, Владимир. 1995. Два рассуждения о теоретических предпочтениях // *Социологический журнал* 2: 70–72.
- Amestoy, Georges. 1968. *Les universités françaises*. Paris: I.N.A.S.-CLUB: 5–6.
- Bikbov, Alexander. 2009. Strange defeat: the reception of Pierre Bourdieu's works in Russia // *Sociologica* 2 (www.sociologica.mulino.it, готовится к публикации).
- Bourdieu, Pierre. 1997. *Les usages sociaux de la science*. Paris: INRA.
- Graham, Loren. 1967. *The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927–1932*. Princeton: Princeton University Press.
- Guenée, Simone. 1982. *Les universités françaises des origines à la révolution. Notices historiques sur les universités, studia, et academies protestantes*. Picard.
- Picard, Jean-François. 1999. “La création du CNRS.” *Pour l'histoire du CNRS* 1: <http://histoire-cnrs.revues.org/document485.html>.
- Ringer, Fritz. 1992. “The Fields of knowledge”. *Maison des sciences de l'Homme*. Cambridge University Press: 283–284.
- Ruegg, Walter. (General editor). 2008 // *A History of the University in Europe*. Cambridge University Press: 1–4.